

Чэнь Лин выслушала его, и её охватило бессилие, смешанное с немотой. Она горько усмехнулась, запрокинула голову и тяжело вздохнула.

— Во-первых, я запрещала тебе заниматься масляной живописью только потому, что обнаружила у тебя дальтонизм. К тому же в те годы у тебя были неплохие оценки, и если бы ты потратил время, уходящее на рисование, на общеобразовательные предметы, то смог бы поступить в достойный университет.

— Соотношение затрат и результатов в масляной живописи слишком низкое. Я не хотела, чтобы ты тратил силы впустую.

— Во-вторых, я относилась ко всем студентам одинаково и требовала от вас того же, что требовала от себя. Если работа хорошая — значит, хорошая, если нет — значит, нет. Никакой предвзятости или мести не было.

— Чтобы отрасль развивалась, необходима конкуренция, поэтому я не боюсь, что ты отберешь у меня кусок хлеба.

Чэнь Лин терпеливо объясняла У Сяо. Она наконец поняла, что её строгие требования и добрые намерения в прошлом привели к такому чудовищному недопониманию.

Глаза У Сяо заблестели от слёз, он взмолился:

— Учитель Чэнь, умоляю, простите меня! Вспомните, как мы были учителем и учеником... Мне так больно!

— Восемь лет... — пробормотала Чэнь Лин. — Учитель и ученик... Ты тоже получил по заслугам.

Она протянула У Сяо то, что держала в руке — половину человеческого языка.

У Сяо пришел в экстаз и тут же сунул обрубок в рот.

— Учитель Чэнь, я исцелился! — У Сяо вскочил с земли, сияя от радости.

Его лицо ожило, речь перестала быть сбивчивой, а слова стали четкими.

Чэнь Лин оставалась спокойной:

— Уходи. И больше не делай глупостей.

У Сяо отвесил глубокий поклон и поспешно скрылся. Тело Чэнь Лин стало чуть ярче, теперь

она могла ступить ногой за пределы полотна.

— Моя обида уменьшилась наполовину.

Чжао Цзюй радостно воскликнула:

— Это замечательно!

Ся Минчи же испытывал странное чувство. Слишком уж всё гладко — У Сяо признал вину так охотно. Но осознал ли он свою ошибку на самом деле?

Принять строгость учителя за месть и наплести лжи, чтобы очернить чужую репутацию — станет ли такой человек раскаиваться? Или он жалеет лишь о том, что попался?

Шэнь Тин сказала:

— Остался только Цзян Тань.

Мысли Ся Минчи вернулись в реальность. Цзян Тань — как заставить его извиниться перед Чэнь Лин? Днем учительница могла находиться только в картине, а ночью Цзян Тань впадал в безумие и носился по всему арт-пространству.

Чэнь Лин произнесла:

— Я потратила много сил, чтобы развеять часть обиды, так что придется подождать до завтра.

Чжао Цзюй забеспокоилась:

— А что, если Цзян Тань причинит вам вред? Ведь ваша смерть тоже связана с ним.

— Завтра вечером просто вынесите картину заранее, не волнуйтесь. Состояние Цзян Таня вызвано тем, что в него вселилась душа Линдан. А ведь Линдан — моя кошка, как она может навредить мне?

Чэнь Лин посмотрела на чучело кошки рядом. Её длинные волосы, словно водопад, струились по плечам, а взгляд был нежным, как вода.

— Пришло время Линдан вернуться ко мне.

Ся Минчи подумал: как было бы хорошо, если бы Чэнь Лин осталась жива. Тогда ещё больше студентов получили бы её наставления, выросли бы в чутких и добрых художников, и мир увидел бы ещё больше прекрасных полотен.

Увы, всегда находятся те, кто жаждет разрушить красоту. У таких людей самые грязные мысли и самые темные души, они не выносят света. Они полны жажды разрушения, потому что сами знают — они этого не заслуживают.

Глава 17. Любопытство сгубило кошку

Этой ночью скульптуры У Сяо не появились, а состояние Цзян Таня стало ещё более маниакальным. Его голос звучал жалко и пронзительно, в нем клокотала ярость, словно он готов был разорвать любого в клочья.

Поскольку Чэнь Лин была найдена, а руки вымазаны в краске, Шэнь Тин не так сильно боялась. Ся Минчи похлопал лапкой по руке хозяйки, утешая её: завтра вечером всё должно закончиться. Но это также означало, что завтрашняя ночь будет тяжелой битвой.

На рассвете в арт-пространстве воцарилась тишина. У Сяо вышел из своей комнаты в спортивном костюме, по-видимому, собираясь на утреннюю пробежку. Он бежал в сторону корпуса №3, время от времени поглядывая на студию. Шэнь Тин и Чжао Цзюй еще спали, задержав шторы.

На окне студии Шэнь Тин сидела кошка, замороженно наблюдая за бегущим У Сяо. Что с кошкой? Она ведь не умеет говорить. У Сяо, потеряв бдительность, побежал к комнате Цзян Таня.

Ся Минчи поспешно запрыгнул на кровать, пытаясь разбудить Шэнь Тин. Он прыгал и скакал, хлопая лапами по лицу хозяйки. Шэнь Тин почувствовала, как дрожит матрас, и, решив, что началось землетрясение, открыла глаза — прямо перед ней «танцевал» её кот.

— Сяо Ся! — возмутилась Шэнь Тин.

— Мяу-мяу-мяу! — Ся Минчи настойчиво закричал и побежал к окну, указывая на улицу.

Шэнь Тин поняла, что что-то случилось. Она спряталась за шторой и, проследив за подсказкой кота, увидела спину мужчины, входящего в студию Цзян Таня. Даже не видя лица, она знала — это У Сяо. Тот самый коричневый худи, который он никогда не менял, сутулая фигура — во всем арт-пространстве больше никого не было.

Исходя из известных фактов, между этими двумя мужчинами не было прямой связи, более того, недавно Цзян Тань сам доставлял У Сяо неприятности. У Сяо был студентом Чэнь Лин, а Цзян Тань считался её поклонником. Если их что-то и связывало, так это то, что оба они причинили вред этой женщине. У них был общий враг. А у общего врага может быть общий союз.

Шэнь Тин прошептала:

— У Сяо идет к Цзян Таню, неужели они задумали что-то плохое?

Надо пойти и послушать, о чем они говорят. Ся Минчи подбежал к двери и начал скрести её лапами. Шэнь Тин поняла его и, открыв дверь, последовала за котом к студии Цзян Таня.

Но было поздно: У Сяо как раз выходил, столкнувшись с ними лицом к лицу.

Черт!

Ся Минчи, бежавший впереди, вовремя сменил направление и рванул вдоль ограды корпуса №2, сделав вид, что просто дурачится с хозяйкой. Шэнь Тин тоже быстро сориентировалась:

— Доброе утро, У Сяо! Только открыла дверь, как Сяо Ся выскочил! Как же тяжело его поймать, ха-ха...

У Сяо стоял с каменным лицом. Шэнь Тин показалось, что, вернув язык, он стал гораздо наглее. Он фыркнул, и в его глазах промелькнуло презрение:

— Ну и лови его дальше.

С этими словами он сунул руки в карманы и, шатаясь, побрел к своему дому, выглядя как типичный опустившийся художник.

Шэнь Тин прошла несколько шагов по маршруту кота, и Ся Минчи выпрыгнул из кустов, вернувшись к ней.

— Тебе не кажется, что У Сяо стал другим человеком? — спросила Шэнь Тин, потирая щеки рыжего кота.

Ся Минчи подумал: У Сяо никогда не менялся. Раньше он был робким лишь потому, что лишился половины языка, заикался и боялся насмешек. Теперь, когда язык вернулся, он почувствовал, что его больше не за что держать, и просто показал свое истинное лицо. Похоже, решение Чэнь Лин простить его было слишком мягким.

— Нужно немедленно сказать Чжао Цзюй, чтобы избежать неприятностей вечером, — сказала Шэнь Тин.

Чжао Цзюй, словно ожидая этого, спокойно рыхлила землю в горшке с растением. Каждый раз, когда железная лопатка входила в почву, застывший ком земли трескался, напоминая трещины на лицах скульптур.

— Два сапога — пара, сговорились... — пробормотала она. — Вечером, когда выставите картину, запишись у себя в комнате. Я буду следить за У Сяо, чтобы он не натворил дел.

Шэнь Тин забеспокоилась:

— Нет! Если У Сяо действительно решил помогать Цзян Таню, вы с учителем Чэнь не справитесь! Я тогда позову охранника, и Лу Жэньюаня тоже!

Чжао Цзюй горько покачала головой:

— Старый охранник не из тех, кто станет вмешиваться, он не выйдет. А что касается Лу Жэньюаня... он к этому не имеет никакого отношения, зачем впутывать его?

Лу Жэньюань — посторонний? Тогда в чем смысл его существования? Ся Минчи был в замешательстве.

— Ты тоже, ты уже достаточно мне помогла, — Чжао Цзюй обняла Шэнь Тин. — За столько лет я наконец-то завела настоящего друга.

Шэнь Тин хотела что-то добавить, но Чжао Цзюй не стала слушать — она просто занесла все растения в комнату и больше не выходила. Шэнь Тин в расстроенных чувствах вернулась в свою студию и, свернувшись на диване, сердито проворчала Ся Минчи:

— Говорит, что я хороший друг, а сама не дает мне разделить с ней бремя.

Она просто хочет как лучше, — подумал Ся Минчи, прижимаясь к хозяйке и шевеля розовым носом.

Вдалеке раздался звон, похожий на стук металлических деталей. Звук был тихим, но из-за гнетущей тишины арт-пространства он казался оглушительным. Уши Ся Минчи тут же наострились, вращаясь, как радары... Это шло из двора У Сяо.

Шэнь Тин, заметив настороженность кота, тоже прислушалась. Её брови нахмурились:

— Что это за звуки?

Ся Минчи подошел к двери и обернулся, приглашая её за собой. Шэнь Тин поняла его и осторожно последовала за ним. Не доходя до корпуса №1, Ся Минчи увидел скульптуры, аккуратно выстроенные во дворе У Сяо. Сорняки, пробивавшиеся сквозь щели в плитке, достигали колен, и скульптуры стояли прямо среди них, застыв в причудливых позах.

Шэнь Тин осторожно приблизилась к двору, и они вместе с Ся Минчи присели за изгородью, наблюдая за действиями У Сяо. Он вывозил скульптуры из склада на тележке и по две штуки помещал в прямоугольную печь. Оказалось, он хотел обжечь оставшиеся скульптуры, превратив их в твердые изделия.

После того как дверца печи закрывалась, её нужно было затянуть вентилем. Вентиль был покрыт ржавчиной, и каждый его поворот сопровождался резким, скрежещающим звуком

металла о металл. У Ся Минчи заболели уши. На панели управления печи, помимо цифровых показателей, были две яркие кнопки — красная и зеленая. У Сяо нажал зеленую, загорелся индикатор, и печь начала работу.

Температура на панели управления стала медленно расти, а из печи донеслось «ш-ш-ш», словно кто-то скреб ногтями по твердому материалу.

У Шэнь Тин по спине пробежали мурашки, она прошептала:

— Внутри скульптур не может быть живых людей, верно?

Затем она сама же покачала головой, посчитав эту мысль нелепой. Ся Минчи тоже сомневался — замуровать живого человека в скульптуре У Сяо в одиночку не под силу. Чжао Цзюй давала ему протезы и стеклянные шарики только для того, чтобы найти Чэнь Лин. Да и доказательств присутствия других людей в студии не было.

В перерыве между обжигом У Сяо вернулся в комнату и через несколько минут вышел с красным пластиковым ведром. Его лицо было бледным, он пошатывался. Ся Минчи несколько раз думал, что он сейчас упадет, но У Сяо опирался на стену и кое-как удерживался на ногах.

Даже в таком состоянии он продолжает обжигать скульптуры? Мягкую глину обжигают после лепки, но раньше У Сяо делал это регулярно, понемногу, а не так массово. У Сяо зачерпнул ложкой что-то из ведра и поднес к рту готовой скульптуры.

Скульптура, получив «еду», внезапно захлопнула рот.

— Щелк! — зубы сомкнулись с отчетливым звуком.

Ся Минчи помнил, что раньше скульптуры оживали только после полуночи, но теперь, среди бела дня, они тоже двигались! Похоже, обожженные твердые скульптуры действительно опаснее сырой глины.

После того как скульптура закрыла рот, она снова его открыла. Они не были людьми, у них не было сложной анатомии, поэтому не было ни горла, ни пищевода, ни процесса глотания. Большая часть того, что давал У Сяо, оставалась на нижних зубах, а излишки жидкости стекали по уголкам рта.

Это была кровь.

Чэнь Лин была найдена, потерянный язык У Сяо был на месте, теперь ему не нужно было создавать новых монстров и кормить их кровью, но он всё равно это делал. Если поначалу он был загипнотизирован или ведом, то теперь он делал это добровольно.

Пока У Сяо вернулся в комнату, Ся Минчи дернул Шэнь Тин за край одежды, призывая её

немедленно уходить.

Студия «Дух кошки».

Ся Минчи пробрался в кладовку. Он отчетливо помнил, что в коробке с вещами лежало кое-что, что могло пригодиться сегодня вечером.

Шэнь Тин удивленно спросила:

— Сяо Ся, что ты ищешь?

— Мяу! — Ся Минчи тихо мяукнул, достал предмет и положил его на ладонь Шэнь Тин.

Шэнь Тин:

— Замок?

Глава 18. Любопытство сгубило кошку

С наступлением ночи Чжао Цзюй, рассчитав время, незадолго до появления Цзян Таня выставила масляную картину и чучело кошки на его пути. Без помощи Шэнь Тин было тяжело — картина длиной около метра, и Чжао Цзюй пришлось тащить её, держась за верхний край. Установив всё, она спряталась за почтовым ящиком у дороги.

Цзян Тань вышел из корпуса №2, передвигаясь на четвереньках и согнувшись в три погибели. Ся Минчи лежал на ветке дерева рядом с картиной. Ему казалось, что эта ночь чернее обычного — свет уличных фонарей лишь едва очерчивал столбы, а бледные лучи, вонзаясь в темноту, тут же поглощались ею.

— Мяу-а-а-у! — завыл Цзян Тань, задрал голову.

Бегая, он заметил впереди что-то знакомое. Цзян Тань вовремя затормозил, принялся и, узнав свою пропажу, с возбуждением прыгнул вперед. Холст засиял, и Чэнь Лин, изящно возникшая над поверхностью картины, тихо позвала:

— Линдан.

— Мяу? — Цзян Тань замер, а затем сменил выражение лица на умильное, присел рядом с Чэнь Лин и начал тереться головой о её руку, словно ласковый кот.

Чэнь Лин положила руку ему на лоб, и из его головы всплыл светящийся шар. Она подхватила его обеими руками и опустила на чучело кошки.

— Мяу... — чучело издало нежный кошачий голос и ожило. Взлохмаченная шерсть стала шелковистой, сломанный позвоночник сросся, а в глазах вместо ужаса появилось милосердие. Линдан облизала переднюю лапку, прыгнула на руки к Чэнь Лин, обняла её за шею и начала тереться, словно очень скучала по хозяйке.

Цзян Тань пришел в себя. Увидев эту сцену, он тут же вернул самообладание, встал и усмехнулся:

— Чэнь Лин, а ты, оказывается, можешь выбираться наружу?

Чэнь Лин холодно ответила:

— Жизнь длинна, и обстоятельства с возможностями непредсказуемы, поэтому нельзя творить зло. А вдруг однажды враги встретятся в узком переулке?

Её слова заставили Ся Минчи вспомнить о Чжэн Бине. Интересно, запаниковал бы этот «старший», если бы встретил её в игре?

Цзян Тань не купился на её слова. Он окинул Чэнь Лин взглядом с ног до головы — сальным и похотливым.

— На самом деле всё могло быть иначе. Вышла бы за меня, я бы помогал тебе продавать картины... Разве не чудесно? Изначально я не хотел, чтобы ты знала о моих махинациях с отмыванием денег, но ты сама наткнулась. Зачем было проявлять такое любопытство? Еще и донести хотела... Какая ты озорная.

Он сделал два шага вперед, пытаясь коснуться её щеки, но Чэнь Лин брезгливо отстранилась. Даже не будучи материальной, она не желала, чтобы этот человек к ней прикасался.

Рука Цзян Таня рассекла воздух, но он ничуть не смутился, а наоборот — поднес ладонь к носу и глубоко вдохнул, с блаженным видом.

— Ты всё такая же ароматная.

Ся Минчи чуть не стошнило от его сальности.

— Если бы ты не жалела меня, разве стала бы помогать мне прогнать душу кошки? — логика Цзян Таня была поразительной.

Он — молодой господин семьи Цзян, богат и влиятелен, толпы женщин бегают за ним. Он не верил, что Чэнь Лин не любит его. Она просто играет с ним в «кошки-мышки». Нет ничего, чего бы не мог получить Цзян Тань, и нет женщины, которую он не смог бы покорить!

Чэнь Лин закатила глаза:

— Я сделала это, чтобы вернуть Линдан, а не ради тебя. Не строй иллюзий.

— Ну, допустим, — Цзян Тань принял игривый вид. — Ты должна знать, почему душа кошки вселилась в меня, но ты не знаешь, как именно я её убил и в чем были детали.

Как только он это произнес, лицо Чэнь Лин изменилось.

— После твоей смерти она везде бегала и даже напрудила на мои холсты. Поэтому я сжал её шею. Она брыкалась, царапала меня, и тогда я палкой сломал ей передние лапы, а потом размозжил позвоночник...

Цзян Тань говорил всё более возбужденно, его лицо исказилось от гримас. С самого детства от окружающих он слышал только одно: подчинение. Удовольствие от покорения дарило ему небывалый восторг.

Ся Минчи, сидя на дереве, закатил глаза. Какой же это мужчина, если издевается над слабыми?

— Ты как Линдан, только я подсыпал тебе снотворное, поэтому ты была покладистее. Тогда я твоей рукой взял нож, полоснул по другому запястью, а потом притворился, что пошел звать охрану... И знаешь, что самое забавное? Дежурный охранник забыл вызвать ремонтников для камер, так что они ничего не засняли. Ха-ха-ха!

Чэнь Лин, очевидно, была в ярости. Она подняла руку, и лучи света, словно шелковые ленты, обвилились вокруг шеи Цзян Таня.

— Заткнись! — Чэнь Лин дрожала, сжимая путы. — Извинись передо мной! — приказала она.

Цзян Таня душили, он не мог издать ни звука. Чэнь Лин немного ослабила хватку, и он наконец вдохнул воздух.

— Нет... я хочу, чтобы ты вечно была заперта в этом мире своей обидой... Я хочу, чтобы ты пожалела, что не выбрала меня...

Этот ублюдок был упрям. Он знал: если он умрет, Чэнь Лин не обретет покоя. Единственный способ развеять её обиду — получить его извинения, но он не собирался их произносить.

Руки Чэнь Лин снова сжались, вены на лбу Цзян Таня вздулись от нехватки кислорода.

— Бултых!

Прозрачная жидкость плеснула на холст. Чэнь Лин в испуге отдернула свет, и Цзян Тань рухнул на землю. У Сяо выскочил из тени — это он выплеснул жидкость.

У Чэнь Лин не было тела, но она была привязана к картине, и хотя жидкость не попала на неё, запах пропитал всё вокруг.

— Это скипидар! — Чжао Цзюй, узнав запах, выбежала из-за почтового ящика. — У Сяо, что ты творишь?!

У Сяо вытащил зажигалку, щелкнул ею пару раз, и маленький огонек заплясал на ветру.

— Что я творю? Разве не очевидно? Конечно, сжечь картину, чтобы наш дорогой учитель развеялся по ветру! — У Сяо стоял в тени деревьев, его худая фигура, казалось, вот-вот рухнет, он был в истерике. — Ты вырезала мой язык, ты довела меня до такого состояния! Разве ты не должна заплатить за это?!

Чжао Цзюй, как и тогда, защищала Чэнь Лин:

— Это ты первым оклеветал учителя, а теперь строишь из себя жертву!

— Плевать! Цзян Тань согласился. Мы работаем вместе: я сожгу картину, а он даст мне денег на выставку скульптур...

Чэнь Лин усмехнулась:

— Ты сам-то понимаешь, что твои работы из себя представляют?

Цзян Тань отряхнулся и встал.

— Ну и что? Денег у меня много, капитал может превратить мертвое в живое. Если захочу, даже дерьмо превращу в предмет искусства.

Цзян Тань перешел на тон переговоров:

— У тебя есть два выбора.

<http://bllate.org/book/19766/1947034>